

Свидание с Детективом

ОЛЬГА БАСКОВА
КОМПЛЕКС
ПОЛУНОЧИ

Ольга Баскова

Комплекс полуночи

«ЭКСМО»

2012

Баскова О.

Комплекс полуночи / О. Баскова — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-58656-1

В руки журналиста Никиты Савельева из издания «Вести Приреченска» попадает письмо с просьбой о помощи. Молодой человек Петр пытается разыскать свою невесту Яну, которая исчезла несколько месяцев назад. Тревогу жених забил не случайно: в полиции принимать заявление о пропаже девушки отказались. Яна и Петр – детдомовцы, нет ни родственников, ни друзей, никого, кого бы могла заинтересовать их судьба. Последняя надежда осталась только на средства массовой информации. Но Никиту, решившего провести собственное журналистское расследование, ждет ужасающее известие – почти сразу после того, как Петр дописал злополучное письмо и отправил в редакцию, его сбила машина. По всему видно, что это было спланированное убийство и кто-то не желает, чтобы в редакции газеты узнали всю правду об этих детдомовцах...

ISBN 978-5-699-58656-1

© Баскова О., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	18
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Баскова

Комплекс полуночи

Глава 1

Никита

Это случилось в один прекрасный летний день. Почему опять в летний день? Наверное, потому, что сама природа решила показать мне: не все в этой жизни так легко. На улице стояла африканская жара, столбик старого термометра, сиротливо приютившегося за окном моего кабинета в редакции (да, теперь я имел собственный кабинет и работал начальником отдела информации – море возможностей для талантливого и предприимчивого молодого человека), безжалостно показывал тридцать пять градусов. Это напомнило мне поездку в Крым, и я подумал, что все нормальные люди должны наслаждаться морем или океаном. Жители Приреченска, правда, лишены такой возможности, однако желающие могут поплескаться в речке, которая и курице по колено. Кстати, в голове мелькнула мысль: а не смотаться ли после работы за город и не окунуть ли истомленное жарой тело в прохладные желтоватые струи? На нашей речке можно найти много мест, радующих глаз, если хорошо поискать. Это улучшило настроение. Я быстро закончил статью, с воодушевлением поставил точку и включил принтер. Анатолий Николаевич Пенкин, мой шеф, главный редактор большой газеты «Вести Приреченска», попросил меня как можно скорее принести ему материал. Собрав вылезшие из принтера, как улитка из раковины, отпечатанные листы, я заметался в поисках файла. Дело в том, что главный редактор – очень аккуратный человек и любит, когда листики покоятся в файле. А у меня, как назло, сегодня их не было. Ни на что не надеясь, я выдвинул нижний ящик шкафа. Вдруг моя предшественница Марта Ефимовна, бывший начальник отдела, оставила парочку? Следует признаться, я не нашел того, чего искал, зато именно так в мои руки попало это письмо. Оно лежало на дне ящика, одно-одинешенько, и моя рука сама потянулась к нему. Адрес отправителя и то, что Марта Ефимовна вскрывала конверт и почему-то оставила его в редакции, а не выкинула в корзину, заинтриговали меня. Уже через минуту мои глаза бегали по строчкам, выведенным красивым почерком.

«Здравствуйте, дорогой редактор! Пишет вам Должиков Петр Семенович, воспитанник детского дома, а в настоящее время работающий в автосервисе (адрес этой организации приводился). Почему я написал вам? Дело в том, что вы – моя последняя надежда. Несколько дней назад у меня пропала подруга, Яна Рыбина. Если вы улыбнулись, читая эти строки, то напрасно. Яна – прекрасный человек. Мы вместе выросли в детском доме. И не подумайте, что мы алкоголики или наркоманы. Я и Яна хорошо окончили школу, пробовали поступать в институт, но не набрали баллов. Впрочем, на этом мы решили не останавливаться и посещали подготовительные курсы. Я посещаю их и по сей день, а вот моя подруга... Короче, она исчезла, словно провалилась сквозь землю. Естественно, по прошествии трех дней я поставил в известность милицию, однако там решили, что если ты из детского дома, то ничего страшного в твоём исчезновении нет. Может быть, и вы так подумаете? Уверяю вас, вы сделаете большую ошибку. Мы с Яной собирались пожениться, ни о каком другом парне или тайном бегстве от меня не было и речи. Я адекватный человек и могу анализировать поступки своей невесты. С ней что-то случилось, и я прошу вашей помощи. Что касается милиции, они провели расследование формально. Было установлено: Яна пропала, выйдя из ночного клуба «Магнолия». Следователь опрашивал директора нашего детского дома Валентину Петровну Биеву, и она, человек, на глазах которого Яночка выросла, без раздумья заявила: дескать, эта девочка была трудным ребенком и постоянно убегала. Именно Валентина Петровна дала понять: не о чем

беспокоиться. Яна вернется, а если не вернется, то это ее дело. Я спросил у Валентины Петровны, зачем она оклеветала Яну, и та зло бросила мне:

– Ступай и не вмешивайся не в свое дело.

А я решил вмешаться, ведь моей невесте наверняка угрожает опасность. Умоляю вас, помогите! Адрес моей работы указан в письме, там вы можете найти меня в любой день недели, кроме воскресенья. Еще сообщаю номер мобильного. Уважаемый редактор, нам лучше поговорить с глазу на глаз, потому что в жизни Яны произошло много странного за последний год, и я вам охотно расскажу обо всем, а потом решайте сами, прав я или не прав в своем желании отыскать подругу. Буду ждать вас с нетерпением. С уважением, Петр Должиков». Дата в конце уведомляла: этому посланию уже пять месяцев.

На этом письмо заканчивалось. Я знал, что Марта Ефимовна открывала конверт, но почему-то не стала заниматься расследованием. Впрочем, ее можно было понять. В шестьдесят лет не очень-то хочется бегать в поисках какой-то детдомовской девочки, пусть даже она, как пишет ее приятель, и вполне благополучная. Я же отнесся ко всему по-другому. Во-первых, мне стало интересно, почему девушка, всю жизнь проведшая в детском доме, а до исчезновения вряд ли работавшая на высокооплачиваемой должности, выходила из самого дорогого ночного клуба. Как она вообще туда попала? Как прошла фейсконтроль? Да и, в конце концов, нашлась ли? Обращался ли ее обеспокоенный друг к нам снова? На эти вопросы мне ужасно захотелось получить ответы, и я начал действовать. К сожалению, Марта Ефимовна, уволившись, уехала к детям в Полтаву, и найти ее было сложнее, чем автора. Слава богу, Должиков проживал в Приреченске, и ни о какой поездке за свой счет не надо было информировать начальство. Я посмотрел на часы. Стрелки приближались к пяти, возвещая о конце рабочего дня. Я нашел в письме номер телефона Должикова и набрал его. Меня известили, что абонент не обслуживается. Что ж, вполне возможно, что Петр Семенович, как он себя называл, поменял номер. Тогда следует отправляться на место его работы.

Автосервис на Глуховской обслуживал в основном дорогие машины. Я на своей «девятке», оставленной тетушке ее покойным мужем и подаренной тетушкой мне, казался нищим среди принцев. Однако и ко мне подошел мастер, парень в черном комбинезоне, с хитрыми, как у лисы, маленькими глазками, одарив не очень-то любезной улыбкой:

– В чем дело? Какие проблемы?

– Надо поговорить.

– Время – деньги, – сразу среагировал он на мое предложение.

– Сколько?

– А судя по разговору.

Я не стал спорить:

– Интересно, во сколько ты оценишь свой ответ, как мне найти Должикова.

Мастер закусил губу:

– За это ничего не возьму. Постоянное местожительство Петьки теперь – городское кладбище.

Я не поверил своим ушам:

– Вы о Петре Семеновиче?

– А разве вы спросили про кого-то другого?

– Но...

Он не дал мне договорить, добавив:

– Его сбила машина почти полгода назад.

Кое-что начало проясняться. На некоторые вопросы были найдены ответы. Разумеется, Марта Ефимовна пыталась связаться с Петром, однако ничего из этого не вышло. Сам он тоже не появился. До автосервиса пожилая женщина вряд ли дошла.

– Как это случилось? – Мои руки нервно подрагивали.

Парень теребил масляную тряпку:

– Петька возвращался домой в Павловский тупик. Там его на полной скорости и сбили.

– Тупик? – я удивленно поднял брови. – Но на этой дороге быстро не ездят. А что за транспорт?

Мастер горестно усмехнулся:

– Водитель пожелал остаться неизвестным. Свидетели видели, как из тупика выезжала иномарка, однако ни марки, ни номера не запомнили. Было темно, а автомобиль шел с погашенными фарами. – Он вытер пот со лба, оставив на коже темные разводы: – Такой вот несчастный случай. Наверное, за рулем сидел пьяный дурак.

Меня тоже прошиб пот. По роду деятельности приходилось бывать на этой улочке, оканчивающейся тупиком. По обе ее стороны ютились двухэтажные домики, так и умолявшие своим несчастным видом, чтобы их, наконец, снесли. Здесь обитали бедные слои населения нашего города. Некоторые точно имели машины, старые «Жигули» и «Москвичи». Иномарки редко забредали в этот район. Лично я не видел ни одной. Впрочем, это не значит, что они вообще объезжали тупик десятой дорогой. Однако на огромной скорости тут не ездили даже старожилы, рискуя поцарапаться о контейнер с мусором или бездарно расставленные скамейки. Значит, водитель – гость Глуховского тупика. Но почему он потушил фары? Ответ напрашивался сам собой. Это не был несчастный случай. Это было самое настоящее убийство.

Глава 2

Заведя машину, я отправился в детский дом. Все теперь казалось мне подозрительным. Кому понадобилось убивать простого парня? Кто похитил его невесту? Возможно, на эти вопросы ответить могла директор детского дома, некая Валентина Петровна. Писал же Должиков, что дамочка дала ложные показания. А с какой стати?

Детский дом стоял в центре города, возле городского парка. Это было небольшое двухэтажное строение, окруженное железным забором. Такая ограда слезно просила охранника, однако руководство то ли не имело, то ли жалело денег, хотя со всех приреченских каналов вешали, сколько средств выделено на это заведение. Правда, мои коллеги ни разу не поинтересовались, а что приобретено на эти средства? Не старая же детская площадка, которую я помнил еще ребенком. Сами воспитанники представляли собой грозу окрестностей. Жалкие качели и покосившиеся теремки их не привлекали. Вооружившись бутылками с пивом, они стайками бродили по улицам, грабя одиноких прохожих и разбивая витрины магазинов. Те, кто обитал по соседству с детдомом, ставили на окнах железные решетки, потому что разгуливающая ватага не раз предпринимала дерзкие налеты именно на соседей. Сколько одиноких старушек переехало в другие районы, лишь бы избавиться от постоянного страха. Меня всегда поражало то, что о таких фактах знали все, но газеты наперебой хвалили директоров, которые смотрели на должность как на возможность пожить. И ведь не брезговали деньгами, выделенными на сирот!

С такими мыслями я прошел в коридор здания и спросил у пожилой женщины, как найти Валентину Петровну. На мое счастье, директор, стройная дама пятидесяти с лишним лет, с густыми темными волосами, забранными в пучок, оказалась у себя в кабинете и не отказала в любезности заняться моей персоной.

– Садитесь, пожалуйста. Мне сказали, что вы из редакции. Но о нас недавно писали...

– Я действительно из редакции, – в моих светлых глазах отражалась детская невинность, – однако писать о вас я не буду. Мне нужно с вами поговорить.

– О чем же?

– О Петре Должикове и Яне Рыбиной.

Ее смуглое лицо побелело в одну секунду:

– Почему именно о них?

Губы женщины предательски дрожали. По всему было видно: она до смерти боялась разговора. Я прикинулся чайником:

– А разве вам ничего не известно?

Валентина Петровна попыталась взять себя в руки:

– Известно о чем?

– О пропаже Яны и о гибели Петра.

Она попыталась разыграть удивление и скорбь, но это у нее плохо получилось. Актрисой Валентина Петровна была никудышной:

– А... как это случилось?

На среднем пальце сверкнул бриллиант, не огромный, как у олигархов, но вполне приличных размеров. Почему-то у меня не было сомнений, на какие деньги женщина приобрела кольцо. Это вызвало глухое раздражение, и я не стал больше маскироваться:

– Давайте откроем карты, уважаемый директор. Я нашел письмо Должикова и собираюсь проводить журналистское расследование по поводу пропажи Рыбиной. Еще Петр писал, что вы ввели в заблуждение милицию, сказав, мол, Рыбина всегда отличалась склонностью к многодневным уходам. Зачем вы это сделали?

Она стала еще бледнее:

– Яна часто убегала из детского дома и бродяжничала по окраинам города. Почему вы верите Должикову? Это он со своей слепой любовью к Рыбиной выдумывает о ней небылицы.

– Однако это легко проверить, – предупредил я. – Мои коллеги обойдут всех, кто знал Яну. Думаю, найдутся такие, которые скажут правду, особенно если привлечь к этому делу милицию.

Ее лицо напоминало простыню с двумя черными дырами вместо глаз:

– Не надо привлекать милицию.

– Чего же вы боитесь? Что вы скрываете?

Валентина Петровна молчала, рисуя на листке бумаги немыслимые геометрические фигуры. Я пер, как танк:

– Вы должны мне все рассказать, в противном случае я обращусь к Зориной, а она поставит в известность своего мужа. Вы не вызываете у меня никакого сочувствия. Не испугайся вы, скажи всю правду милиции, Должиков остался бы жив. Однако что вам ваши воспитанники? Вы заботились только о себе, а ваши подопечные для вас грязь, мусор. И ноги бы вашей здесь не было, найди вы такую же хлебную работу. По мне, так вас заждалась тюремная камера. Вот и попытаемся сделать ей сюрприз.

Директор заломила руки:

– У меня есть собственные дети и внуки. Если бы я сделала так, как хотел Должиков... – Женщина вдруг закусила губу.

– Ну, договаривайте, – подбадривал я. – Облегчите душу передо мной, а я подскажу, как вам смягчить свою участь.

– Мне надо подумать, – процедила Валентина Петровна. – Оставьте свои координаты. Я свяжусь с вами.

– Учтите, прекрасная дама, – я галантно поклонился, – жду только до вечера, а потом против вас развернется кампания. Может, какому-нибудь заведению и нужны такие директора, да только не этому.

С наслаждением бросив последнюю фразу в размазанное не по возрасту лицо, я отклонился.

Проходя по дорожке, вымощенной булыжником, мимо детской площадки, я бросил взгляд на окно Валентины Петровны. Женщина смотрела на меня. Смотрела задумчиво и встревоженно.

После визита к директору детского дома я отправился в редакцию, где узнал неприятную новость. Пенкин забраковал мою статью, и секретарь уже положила ее мне на стол для доработки. Честно говоря, этого мне хотелось меньше всего. Снова париться над текстом, когда на улице жара, а в голове крутятся совсем другие вопросы – это гестаповская пытка. Впрочем, кое-как я выполнил порученное мне задание, но времени на это ушло вагон. Я поднялся со стула, чтобы перекусить, глянул на часы и ахнул. Стрелки приближались к семи. «Вот что значит любимая работа», – подумал я, мечтая отделаться от статьи и потихоньку смыться. Однако сразу сделать это мне не удалось. Анатолий Николаевич вызвал меня к себе, долго читал статью и наконец изрек:

– Вот теперь нормально. Свободен.

С последним его словом часы на стене кабинета отстукали ровно семь. Я мог бы лететь домой и без его разрешения. Шеф словно почувствовал мое настроение:

– О чем думаешь?

От его проникательности не ушел бы даже Штирлиц. Пришлось говорить, как на исповеди:

– Нашел интересный материалчик для расследования.

– Только в свободное время, – изрек Пенкин. – Сейчас масса текучки.

– Я так и планировал.

Вернувшись на рабочее место, я начал складывать в дипломат наброски статей. За этим делом меня и застал звонок Валентины Петровны.

– Здравствуйте еще раз, – женщина задыхалась, как от приступа астмы, – я решила рассказать правду.

– Отлично, – похвалил я. – Мне подъехать к детскому дому?

– Только не туда, – испугалась она. – Записывайте адрес. Это квартира моей дочери, которая сейчас отдыхает в Египте с семьей.

Фиксируя координаты, я хмыкнул. Похоже, рабочее место Валентины Петровны кормило ее ближних и дальних родственников.

– Позвоните три раза, – напутствовала директор. – Только тогда я открою.

– Понял.

В предвкушении интересного рассказа я сильно нажал на газ, и «девятка» с ревом сорвалась и помчалась по улицам, вызывая недоуменные взгляды прохожих.

Глава 3

До нужного мне дома я долетел за двадцать минут. Следует признать, дочь Валентины Петровны жила в прекрасном доме, где квартиры с евроремонтом сдавались под ключ. Жители Приреченска с завистью поглядывали на белоснежную многоэтажку, взметнувшуюся ввысь, и размышляли о тех счастливицах, кто неизвестно каким образом получал здесь квартиры. Совершенно неожиданно одной из жилищ оказалась дочь директора детского дома. И приходилось только догадываться, как ей это удалось. Я набрал код домофона и стал ждать ответа хозяйки, но тщетно. Никто не спешил сообщать, что меня ждут. Я было забеспокоился, но сухонькая старушка в цветастом платочке, одна из типичных бабушек – завсегдатайниц скамеечек, пришла мне на помощь.

– Может, не слышат, – предположила она и прижала ключ к замку. Дверь открылась.

– Не боитесь, что впускаете незнакомца? – поинтересовался я.

– А жуликов сразу видать, – мгновенно ответила старушка.

Я вошел в прохладу подъезда и вызвал лифт. Он бесшумно подкатил, распахнув передо мной чистую кабину, которую здесь никто и не думал использовать в качестве общественного туалета, и я начал свое восхождение на восьмой этаж. Возле семидесятой квартиры я немного потоптался и позвонил. Никакого толку! Может, меня обманули? Может, директор просто тянет время, а сама и не думает со мной откровенничать? Я позвонил еще. Бесполезно.

– Валентина Петровна! – в моем громком голосе слышалось непреклонное желание проникнуть через все преграды. – Открывайте! Какую игру вы затеяли?

Вспоминая этот эпизод, я всегда думал о том, что мысли о беде, возможно, случившейся с хозяйкой, не приходили в голову. Они появились тогда, когда мое плечо сильнее нажало на крепкую дверь, и она неожиданно открылась. Я задрожал всем телом. Так же случилось и в Южноморске при посещении квартиры Варнакова. Но неужели и здесь... Осторожно ступая, я зашел в коридор. Красная ковровая дорожка вела в гостиную.

– Валентина Петровна? Вы здесь?

В гостиной было тихо. Директор детского дома лежала на кожаном диване. Мне не требовался доктор, чтобы констатировать смерть. Живые так не выглядят. Полы домашнего халата распахнулись, обнажая стройные для женщины в возрасте ноги. Тонкую шею плотно охватывала бельевая веревка, впившаяся в кожу. Посиневшее лицо убитой выражало страдание.

Я попятился, тяжело дыша. Такого оборота дела никто не ожидал. Следовало оповестить милицию. Бесшумный лифт снова понес меня, на этот раз вниз.

– Так быстро, милоч? – спросила добросердечная бабушка, когда я вышел из подъезда.

Вот черт! Теперь она сообщит мои приметы, и оперативники начнут погоню вовсе не за убийцей.

Стараясь не смотреть в ее сторону, я быстро ответил:

– Да. Спасибо.

– У тебя тут небось подружка?

– Да, – я уже бежал из двора, подгоняемый страхом. Машина, стоявшая недалеко, покорно приняла в свои объятия мое потное тело и рванула прочь, унося меня подальше от этого страшного места. Я не сразу заметил, как следом поехал старенький красный «Опель».

Честно признаться, сыщик из меня пока не получался. Преследовавшую меня машину я засек только через два квартала, и зубы отбили барабанную дробь. «Девятка», старавшаяся уйти от преследования, колесила между домами, но «Опель» не отставал. Когда я притормозил у аптеки, красная машина тоже остановилась. Да. Это была самая настоящая слежка, причем топорная. Впрочем, это и успокаивало. Пока меня предупреждали, что кому-то известно

о моем расследовании и этот кто-то не хочет, чтобы я это расследование продолжал. Если они убедятся, что я не сверну с пути, они меня убьют. От этой мысли мне не стало страшнее даже тогда, когда я решил идти намеченным курсом. Кто бы ни были эти убийцы, они не дали возможности вести нормальную жизнь двум и так обездоленным детям – и это вызывало глухое раздражение. Не дожидусь! Я прошел мимо «Опея», всем своим видом демонстрируя олимпийское спокойствие. Сквозь тонированные стекла лица водителя не было видно. Ну и черт с ним! А вот номер мне обязательно удалось бы запомнить, если бы в лучших традициях детективного жанра его не заляпали грязью. Возле аптеки находился таксофон, и именно оттуда я сообщил в милицию о трупе в элитной девятиэтажке. Теперь можно было ехать домой и думать дальше, где раздобыть необходимую информацию. Красный автомобиль еще немного поддержал меня в поле зрения и умчался на север. К дому моя «девятка» подъехала без сопровождения.

Глава 4

Однокомнатная квартирка, которую я снимал на окраине города, ждала меня. Здесь исчезли все мои страхи и снова заработало логическое мышление. Теперь следовало найти воспитателей, помнивших Должикова и Рыбину. Наверняка они вспомнят какие-нибудь важные факты их биографии.

«Завтра до работы поеду в детский дом, – подумал я. – Искать надо среди пожилых. Они всегда охотнее идут на контакт».

Звонок телефона заставил меня вздрогнуть впервые в жизни. Он прорезал тишину моей квартиры. Я подошел и, затаив дыхание, снял трубку. На линии кто-то сопел.

– Говорите, – мой низкий голос сорвался на фальцет, однако это никого не обеспокоило. На том конце незнакомый абонент нажал на сброс. Короткие гудки кувалдой били по нервам. Я прошел на кухню и вынул из шкафа бутылку водки. Видно, дело, которое попало мне на этот раз, трудное и опасное. Горячий воздух, волнами врываясь в открытое окно, гладил плечи. Потной рукой я закрыл окно. Я предпочитал сидеть в духоте, но не оставлять ни малейшей щели. Впрочем, эти, если захотят, проникнут даже через закрытую дверь. Естественно, такая мысль не улучшала настроения.

Рюмка горячительного напитка сделала свое дело. Не считая кошмаров, тревоживших меня полночи, я сносно поспал. Мой старый друг-будильник возвестил: пора на работу. Я молниеносно оделся, кинул в рот кусочки сыра и колбасы, которые остались от вчерашнего одинокого пиршества, вызванного страхом, и сбежал вниз. Красный «Опель» терпеливо поджидал меня на стоянке. Я махнул водителю, как старому знакомому, и гордо прошествовал на автобусную остановку, решив, что среди людей мне будет легче скрыться. Я сел в маршрутку, понаблюдав, как автомобиль аккуратно преследует ее, и в голове у меня сложился план действий. Следуя ему, мне надо было выйти на две остановки раньше, что и было сделано. Потом я побежал в глубину проходных дворов. Растерянное лицо водителя, никогда мною не виденного, воображение нарисовало достаточно четко. Стоит ли говорить – мне удалось оторваться от преследования.

В холле детского дома меня встретила та самая пожилая женщина, что в первый раз проводила меня в кабинет директора. Мне почему-то показалось: она работает здесь довольно давно и знает Должикова и Рыбину. Вот почему я обратился к ней с вопросом:

– Давно здесь трудитесь?

Ее улыбка была доброжелательной. Детдомовцы людей с такой улыбкой обожают – те из них, кто на это способен. Но не дай бог этим людям в чем-нибудь провиниться! Любовь мгновенно перерастает в ненависть.

– Довольно давно, – ответила женщина.

– А вы не знали Петра Должикова и Яну Рыбину?

Ее выцветшие глаза глядели без всякого страха:

– Конечно.

Я вытащил удостоверение:

– Перед вами журналист крупной приреченской газеты. Можете уделить мне время?

Собеседница растерялась:

– Вообще-то, я занята.

– Прошу вас. Это очень важно.

Она махнула рукой:

– Ладно. Пока Валентины Петровны нет...

Я никак не отреагировал на эту фразу. Пусть узнает о смерти начальницы не от меня.

– Пройдемте в кабинет.

Я вытащил блокнот:

– Мне необходимо записать вашу должность, имя, отчество и фамилию.

– Воспитатель Полина Тимофеевна Кочетова, – представилась она. – Проходите. Это комната отдыха для воспитателей.

Я уселся на кушетку и обратился к женщине:

– А теперь расскажите все, что вы знаете об этих ребятах.

– Но почему именно о них? – удивилась Полина Тимофеевна.

– Яна пропала, и наша редакция осуществляет ее поиски, – говорить полуправду всегда легче, чем лгать глаза в глаза.

Кочетова вскинула седые брови:

– Разве это не дело милиции?

– Мы работаем параллельно.

– Тогда понятно. – Она вытерла капельки пота, поблескивающие бусинками на верхней губе. – И Яночка, и Петюня поступили к нам крохотными. Знаете, они оба отказники. Если вы хотите знать мое мнение, их мамы просто обокрали себя, лишившись таких замечательных деток.

– А кто их родители? – поинтересовался я.

– Об этом ведаёт только Валентина Петровна, и никто, кроме нее. А зачем вам?

Моя улыбка сражала невинностью:

– Меня, как и милицию, интересуют все мелочи. Но давайте пойдем дальше. Их никто не пытался усыновить?

– Пытались, и неоднократно, – выпалила Полина Тимофеевна.

– И почему же не получилось?

Воспитатель задумалась:

– Все, что я здесь рассказала, опубликуют в газете?

Надо было срочно ее разуверить:

– Ни в коем случае. Видите, я даже ничего не записываю.

Она успокоилась и продолжала:

– У нас работала одна молодая женщина, Ирочка Хромова, добрейшей души человек. В юности ей пришлось сделать аборт, и доктора объявили неутешительный приговор – бесплодие. Именно тогда она и решила взять ребенка из детского дома. Даже двоих – Петю и Яночку.

Женщина перевела дыхание:

– И жили бы наши лапочки припеваючи, если бы не эпидемия гриппа. Врачи проглядели страшное осложнение – менингит. Так наши крошки лишились матери второй раз. Потом Яночка приглянулась одной богатой даме, и она стала хлопотать об удочерении.

– И?... – Я вопросительно посмотрел на воспитателя.

– И ей это удалось, – с горечью заметила Полина Тимофеевна. В уголке ее глаза блеснула слеза. Что случилось дальше, было понятно и без слов, однако мне требовались подробности.

– А потом вернула?

– Да.

– Почему?

– Слушайте, – Кочетова мысленно перенеслась в тот день, когда высокая блондинка с массивными золотыми серьгами и грубым голосом тренера по футболу переступила порог детского дома. Она объяснила, что хочет взять ребенка, однако не совсем маленького, около четырех-пяти лет, и желательно девочку.

– Да, девочку, – повторила женщина, давая сотрудникам полюбоваться перстнем с огромным аквамаринном. Потом ее водили по комнатам, и дама указала на Яну:

– Пожалуй, эта.

Полина Тимофеевна сжала локоть Валентине Петровне, смотревшей на блондинку с каким-то подобострастием:

– Не отдавайте ребенка. Она не будет ухаживать за ним как надо.

Директор строго взглянула исподлобья:

– Здесь, что ли, ухаживают как надо? Разве не вы все время повторяете: детям нужны родители.

– Но у нее нет мужа.

– Зато есть деньги.

Когда блондинка окончательно остановилась на Рыбиной, ей подсказали, куда обращаться, и вскоре пакет документов был готов. Полина Тимофеевна, до последнего лелеявшая надежду, что Яночку не отдадут в неполную семью, приуныла. В назначенный день женщина подкатила на новенькой иномарке, и Валентина Петровна с воспитателями наблюдали, как она втискивала ребенка на сиденье.

– Эта не будет хорошей матерью, – констатировала Кочетова.

– Поживем – увидим, – отозвалась директор, сжимавшая в кармане пакет с приличной суммой. Однако слова Полины Тимофеевны оказались пророческими. Девочку вернули через два года. Воспитатели боялись за психику ребенка, но Яна как будто обрадовалась возвращению в детский дом. Позднее она рассказывала Кочетовой:

– Евдокия Артемьевна (так звали крутую даму) играла со мной, как с куклой. Да, она покупала мне красивые платья, но никогда не говорила о моих проблемах, никогда не интересовалась делами, только постоянно следила, чтобы я не украла драгоценности или деньги.

– А ты ничего не украла? – осторожно спросила Полина Тимофеевна. Яна рассмеялась:

– Я не воровка. И потом, за мной присматривала домработница. Правда, однажды я нашкодила, и этого оказалось достаточно, чтобы меня вернули.

Воспитатель погладила Яну по голове:

– Что же ты натворила, негодница?

– Ничего особенного, – проворковала девочка. – Когда меня оставили одну в квартире, я зашла в спальню к матери и обнаружила на трюмо много разной косметики. Мне захотелось накраситься, как это делают взрослые, понимаешь?

– И ты накрасилась, – вздохнула Кочетова, не видевшая в этом ничего предосудительного.

– Ну да, – хихикнула Яна. – Накрасилась. Я не знала, что это плохо. Это очень плохо, да?

Полина Тимофеевна замялась:

– Раз тебе запрещали, не следовало этого делать.

– Она тоже так сказала, – согласилась Рыбина. – Точнее, не говорила, а орала, как дворник в соседнем доме, когда напьется. Обзывала меня плохой девчонкой, испортившей дорогущую косметику, и поклялась вернуть обратно. Как видите, обещание она сдержала.

– А больше ты ничего не сделала? – осведомилась воспитатель.

– Ничего, клянусь, – заверила ее Яна. – Знаете, я рада, что вернулась. Два года я чувствовала себя не в своей тарелке, два года от меня ждали неприятностей. А в такой обстановке тяжело живется.

Кочетова обняла девочку:

– Мы никогда не расстанемся. Если только я не увижу, что очень хорошие люди хотят стать твоими папой и мамой.

– Договорились, – Яна доверчиво прижалась к груди женщины.

Дальше можно было не рассказывать. Хороших родителей Рыбиной не нашли.

– А в последнее время вы не замечали странностей в ее поведении? – поинтересовался я.

– Год назад они с Должиковым решили пожениться и сняли квартиру, – объяснила воспитатель. – Сначала дети навещали нас вместе. Потом стал приходить один Петя. Когда я спрашивала, почему он без Яночки, мальчик смущался. Петенька вообще был очень честным, и если бы кто-нибудь усыновил его, то получил бы прекрасного ребенка.

– Почему же... – начал я, однако Кочетова меня перебила:

– Петенька сам не хотел уходить от нас. Правда, когда он был совсем крохотным, часто болел, а будущие родители жаждут здорового ребенка. Они не слушали наших объяснений, что парень обязательно поправится. Когда же Должиков подрос, он сам противился нашим стараниям найти ему родителей.

– Значит, Петр не мог объяснить, почему Яна перестала вас навещать? – спросил я.

– Именно так.

Я внимательно посмотрел в глаза женщины. Она вернула мне взгляд. Такие, как она, никогда ничего не скрывают, и я был уверен: Полина Тимофеевна рассказала все, что знала.

– Спасибо, – поблагодарил я, вставая с кушетки. – Но у меня еще одна просьба. Видите ли, у меня нет фотографий Должикова и Рыбиной...

Она тут же вскочила:

– Пойдемте. Их снимков у нас сколько угодно.

Мы поднялись на второй этаж в кабинет директора. Худенькая дама неопределенного возраста, которой можно было дать как тридцать, так и пятьдесят, с кроличьим лицом и серыми волосами, быстро печатала на компьютере.

– Ада, где последние снимки наших выпускников? – поинтересовалась Полина Тимофеевна. – Молодой человек хочет взять фото Рыбиной и Должикова.

Секретарь улыбнулась, обнажив кроличьи зубки:

– В верхнем ящике шкафа. В зеленой папке.

Воспитатель отодвинула ящик и достала скоросшиватель:

– Здесь?

Ада лишь мельком взглянула, кивнув:

– Да.

– Держите, – Полина Тимофеевна протянула мне папку.

– Вы, наверное, что-то перепутали, – обратился я к секретарю, открыв папку. – Здесь ничего нет. Одни пустые файлы.

– Не может быть! – Ада с достоинством встала со стула и протянула руку: Я спокойно передал ей зеленый скоросшиватель:

– Пожалуйста.

Она уставилась на пустые файлы, как на восьмое чудо света. Ее тонкие губы прошептали:

– Как? Где же?

– Да. Где? – подхватила воспитатель.

– Позавчера мы с Валентиной Петровной перебирали все снимки, – оправдываясь, говорила женщина. – Видели и эти. Может, они понадобились нашему директору?

– А кто, кроме нее, имел доступ к фотографиям? – Я не надеялся, что она ответит. Разве секретарь признается в том, что оставила рабочее место без присмотра? Впрочем, никто не запрещает покидать рабочее место, если ты запираешь за собой дверь комнаты, где хранятся документы. Очевидно, Ада делала это не всегда. Женщина покраснела. Казалось, поднеси спичку к ее пылающим впалым щекам – и детский дом запылает.

– Никто.

– Стоит поспрашивать ваших воспитателей, и они расскажут, что вы частенько выходите, оставляя дверь открытой, – пытался я использовать старый прием. Однако женщина-кролик была непреклонна:

– Как вам угодно. За мной никогда не водилось такого греха. Уверяю вас, вы только потратите время.

– Может, их действительно взяла Валентина Петровна? – предположила Кочетова. Однако требовательная трель телефонного звонка прервала наши размышления. По моим подсчетам, директора давно должны были обнаружить и сообщить по месту работы. Впрочем, возможно, при ней не было никаких документов.

Ада ответила, несколько секунд сидела молча, как деревянный идол, потом побледнела и ухватила за спинку стула, чтобы не упасть. Тонкие посиневшие губы с трудом произнесли:

– Валентина Петровна убита. Сейчас сюда приедет милиция.

Я прочитал отчаяние в глазах Полины Тимофеевны:

– Как убита? Кому понадобилось ее убивать?

Актерская игра всегда давалась мне с трудом:

– Какое несчастье!

Произнеся еще несколько сочувственных слов, я поспешил ретироваться. С милицией мне лучше не встречаться. Я жаждал раскрыть это дело сам и не желал ни с кем делиться успехами.

Глава 5

Быстро подошедшая маршрутка повезла меня в редакцию. На мое счастье, Анатолий Николаевич выехал в очередную срочную командировку. Наша секретарь Рита, не чета кроличьей дамочке, чем-то смахивающая на Джулию Робертс в ее лучшие годы, положила передо мной лист бумаги, исписанный почерком шефа.

– Эти задания он дает тебе.

Пенкин хотел, чтобы я забежал в пару местечек и написал несколько статей. Что ж, в принципе поручения небольшие, во всяком случае, расследованию не помешают. Я послал Рите обворожительную улыбку:

– Ничего, если поработаю дома?

Девушка усмехнулась:

– А мне какое дело?

– Тогда до завтра.

Ее ответа я дожидаться не стал. Мне было необходимо остаться одному и выработать план дальнейших действий. Наверное, стоило, наконец, посетить клуб «Магнолия», в котором последний раз видели Яну. Может, там я получу ее фотографии? Это вполне возможно, если она являлась завсегдатайницей заведения. Решив отправиться именно туда, я дернул на себя тяжелую дверь редакции. Красный «Опель», поджидавший меня, мирно стоял у тротуара.

– Ты вынуждаешь ходить только через черный ход, – процедил я сквозь зубы и снова скрылся в редакции, решив выбраться через склад. Кладовщик дядя Степа не стал задавать лишних вопросов. Если человек просит открыть нужную дверь, значит, так надо.

Я махнул на прощание рукой и скрылся в арке, соединявшей дворы. Мои преследователи снова потеряли меня. В голове сразу завертелись мысли, можно ли дворами пробраться к клубу. Однако времени на размышление не осталось. Звонок мобильного – свадебный марш Мендельсона – заставил вздрогнуть. Я посмотрел на дисплей. Номер звонившего мне ни о чем не говорил:

– Савельев слушает.

– Это Тамара Кочетова.

Фамилия показалась мне знакомой, но не в сочетании с именем.

– Какая Тамара?

На том конце провода хихикнули:

– Сегодня вы разговаривали с моей матерью, Полиной Тимофеевной.

Я хлопнул себя по лбу:

– Точно! А что вам от меня нужно?

– Вы интересуетесь Должиковым и Рыбиной, – она вздохнула. – Так вот, мне есть что рассказать вам.

– Есть что рассказать? Почему вы так уверены?

– Я уверена, – в голосе звучал металл. – Но предупреждаю: информация стоит денег.

Это меня рассмешило. Девочка начиталась иностранных детективов и решила заработать на бедном журналисте.

– Вы поставили не на ту лошадку, моя милая. Между прочим, ваша мать ничего от меня не скрыла и не просила бабок.

– Возможно, ей они не нужны, – отозвалась Тамара. – Я другое дело.

– Зачем же деньги такой милой особе? – удивился я. Девушка снова захихикала, а потом чихнула.

– Будьте здоровы, – мне не хотелось прослыть невежей.

– Спасибо, – только и успела вымолвить она, тут же чихнула снова и уже не могла остановиться.

«Наркоманка», – с презрением подумал я и не побоялся сказать это вслух:

– Значит, денежки нужны на дозу?

На мое удивление, Тамара не возмутилась:

– Ты угадал.

– Надеешься, что я милосерден к наркошам? Просто диву даешься, откуда у такой матери такая дочка.

Она ответила между чиханьями:

– Я ей не родная. Выросла в нашем детдоме, а в возрасте семи лет Полина меня удочерила. Что касается наркотиков, наверное, проклятая наследственность. Кочетова здесь ни при чем. Теперь ты убедился, что я знала и Янку, и Петьку? Гони бабло и получишь преинтересные сведения.

– Милая! – взвыл я волком. От очаровательной девушки уже тошнило. – Я бедный журналист. Ну неоткуда брать деньги. Дядя-миллионер забыл вписать меня в свое завещание.

– Тем не менее информация стоит тысячу рублей, – не сдавалась Тамара. – Займи. Это не бог весть какая сумма.

– Допустим, я займу, – согласился я. – Но где гарантии, что твои сведения стоит купить? Докажи.

Она наконец перестала чихать:

– У Янки был богатый старый любовник. Я видела их у дорогих ресторанов и клубов. Он обращался с ней, как с игрушкой.

Мне это ни о чем не говорило:

– Что с того, что Рыбина спала с дедушкой?

– Он не дедушка, – запротестовала Тамара. – Очень красивый мужик под пятьдесят. В такого бы и я влюбилась. Видел бы ты его джип! Наверняка Янка захотела, чтобы он бросил семью, а красавчик отказался. Зачем ему бедная девушка? Она хороша для интрижки, но не для брака. Возможно, Рыбина стала шантажировать его. Кому это понравится? Ну, каково?

Мозги плавилась от жары, без сомнения, прилетевшей из Сахары погостить в наш город. Торопливая речь наркоманки вызывала желание убить ее.

– И это все?

Она словно прочитала мои мысли:

– Представь, нет. Во-первых, я выследила его и знаю, где живет красавчик. Во-вторых... Ну, а во-вторых будет, когда ты принесешь деньги.

Наверное, услышав мои молитвы, подул спасительный ветерок. Настроение сразу улучшилось.

«Если это все наркотический бред, то я пожелаю, расставшись с тысячей рублей, – подумал я. – А если девчонка не врет? Значит, это еще одна зацепка?»

Вспомнив об отложенных на отпуск деньгах, я вздохнул. Тысяча не была для меня копеечной суммой. Однако при желании выяснить правду расстаются и с более значительными денежками.

– Диктуйте адрес, – в моем голосе звучала покорность судьбе.

– Частный дом на Обьездной, – торжествующе заявила Тамара. – На Персиковой, двенадцать.

– Вы живете там с Полиной Тимофеевной?

Она засмеялась:

– Боже упаси! Мы давно решили жить отдельно. Я снимаю в этой халупе комнату.

Мысленно я посочувствовал Кочетовой. Конечно, даже это жалкое жилище оплачивала она.

– Поторапливайтесь, – отозвались на том конце. – Не буду же я сидеть весь день дома.

Тамара отключилась. Я прыгнул в автобус и поехал домой. Пришлось расстаться с надеждой отдохнуть на мягком диване.

Отложенные мной три тысячи уютно покоились в шкатулке. Я взял одну, посмотрев на купюру с сожалением. Если так пойдет дело, брошу расследование ко всем чертям. Не просить же мне милостыню! Наскоро ополоснувшись холодной водой, я запер дверь и вышел из подъезда. На секунду мне показалось, что за деревьями мелькнул красный автомобиль, но мой друг на колесах не выехал мне навстречу.

– Мало ли красных машин! – успокоил себя я и отправился на автобусную остановку. Теперь следовало помнить, что на «девятке» надо ездить в крайних случаях, и не только из-за преследователей. Еще парочка вымогателей – и бензин станет для меня непозволительной роскошью.

В автобусе, переполненном сверх меры, было так жарко, что перед глазами поплыли оранжевые круги. Не хватало еще свалиться в обморок. Женщины, отягощенные кошелками, ругали водителя неизвестно за что. Иногда поток словесной брани прерывал мужской голос, жалующийся на жизнь. Маленькие дети белугами ревели на коленях измученных матерей. Стоит ли говорить: когда объявили мою остановку, я выскочил из этого ада со скоростью молодого гепарда. На улице было прохладнее, но ненамного. Я с неудовольствием отметил про себя старые некрашенные деревянные заборы, неухоженные плодовые деревья, склонившие от жары ветви к земле, и запах помоев. Где-то ютился и нужный мне дом. Я пошел по кочковатой дороге, внимательно следя за номерами домов. Та халупа, где обитала молодая Кочетова, вызвала бы отвращение даже у бомжей. Если у этой покосившейся избушки и были хозяева, они совершали преступление, беря деньги за сданную площадь. Штукатурка осыпалась и свежевывпавшим снегом покрывала потрескавшуюся землю. Крыша местами прохудилась, и не было сомнений, что в дождь жильцы запасаются тазами и ведрами. На огороде, вернее, его подобии, заросшем пыреем и лебедой, валялись бутылки и прочий мусор. Похоже, Тамара не утруждала себя походами к контейнеру, зеленовшему в тридцати шагах от дома. Для приличия я стукнул в деревянную калитку:

– Тамара! Встречайте гостей!

Дверь халупы не дернулась. Окна с гниющими рамами и треснувшими стеклами не дрогнули. Наверное, эта дрянь успела наглотаться чего-нибудь и теперь крепко спала. Впрочем, я не собирался ждать, когда ее величество проспится. Наркоманы обычно гостеприимно распахивают двери для себе подобных, и не было сомнения: в дом я попаду без хозяйки. Так оно и случилось. Покосившееся подобие двери пропустило гостя. Я зашел в грязный коридор и чуть не задохнулся от вони. В грязи можно было утонуть. Об уборке Кочетова-младшая не имела никакого представления.

– Эй, Тамара! Просыпайтесь!

В маленькую комнатку неизвестно как втиснулся диван с такими грязными простынями, что меня замутило. На столике, когда-то, вероятно, помпезно называемом «письменным», в беспорядке стояли бутылки и немытые тарелки. Помоечный запах угнездился здесь навеки.

– Тамара!

Черт, ну куда она подевалась? Если ей вздумалось прогуляться, я не выдержу здесь и десяти минут.

– Тамара, выходите!

Наверное, в эту секунду липкий страх схватил меня за горло. Конечно, наркоманы – люди непредсказуемые, однако девушка ждала меня с деньгами. Ради этого она не могла никуда уйти.

На негнувшихся ногах я вышел из помещения и стал обследовать крохотный участок. Полуразвалившийся деревянный сарайчик привлек мое внимание. Дрожащими руками я рванул на себя дверь, которая чуть не свалилась с петель.

Она, конечно, была там. Раскрытые от ужаса глаза неопределенного цвета, посиневшие губы, замершие в беззвучном крике. Чья-то безжалостная рука пронзила ножом ее сердце. Я остолбенел настолько, что забыл об осторожности. Меня уже подставляли таким образом в Южноморске. Надо было сразу свалить и по таксофону вызвать милицию, однако я стоял и пялился на труп. Милицию вызывать не пришлось. Кто-то сделал это за меня, и я скорее догадался, чем почувствовал, как на моих руках захлопнулись наручники. Капитан милиции с лоснящейся от пота физиономией и такими толстыми губами, что им могла позавидовать любая модница, готовая заплатить деньги за силикон, добродушно поинтересовался:

– За что ты ее?

– Это не я, но, полагаю, вы все равно не поверите. – Оставалось смириться с судьбой и подумать на досуге, то есть в камере, как выбраться.

– Ты. Больше некому, – подтвердил мои подозрения капитан.

– Когда я пришел, она уже лежала здесь.

– Все так говорят. Пойдем. – По мобильному он вызывал «Скорую» и бригаду экспертов. Его напарник, старший лейтенант, напоминавший боксера среднего веса, с кулачищами, под которые преступники боялись попадать, осклабился:

– Везет же нам сегодня!

Огромные руки-клешни с ловкостью карманника обшаривали меня в поисках документов.

– Гляди-ка, – его удивлению не было предела, – какие нынче пошли убийцы. Это корреспондент «Вестей Приреченска». Зачем тебе понадобилась несчастная наркоманка, придурок?

– Она понадобилась мне по делу, – твердо ответил я, – обратилась с просьбой оказать ей материальную помощь. Кстати, положите тысячу рублей на место.

Лейтенант не шелохнулся. Похоже, с деньгами все-таки придется попрощаться.

– И ты решил дать ей тысячу? – иронично спросил капитан.

– Именно так.

– За красивые глаза?

– Из жалости.

Они оба расхохотались, потом лейтенант боксерского типа заявил:

– У нас другие сведения. Девчонка с утра ругалась с каким-то своим хахалем, потом послышался крик – и все стихло. Если думаешь, что убийство какой-то наркоманки сойдет тебе с рук, ошибаешься: закон во всех случаях один.

– Вот именно, – встрепнулся я. – И ваше дело доказать, что преступник перед вами.

– Докажем, не волнуйся.

Они втолкнули меня в милицейский «уазик», и старая машина, прыгая по кочкам, повезла меня в отдел.

– Значит, стоишь на своем? – уже пятнадцатый раз спрашивал меня следователь, представившийся Егоровым.

– Да, меня подставили, – не сдавался я. – И кажется, я имею право сделать звонок.

– Признаешься – сделаешь. – Он готов был на все, лишь бы выколотить из меня признание.

– Но почему вы не рассматриваете другие версии? – Пока не хотелось складывать оружие. – Мне не меньше вашего жаль Тамару, она дочь женщины, которую я глубоко уважаю. И еще раз повторяю, когда я пришел к ней, она уже была мертва. Спросите соседей. Возможно, кто-нибудь видел, как я шел с остановки. А ругаться она могла со своим настоящим дружкой.

– Ты темнишь с материальной помощью, – гнул свою линию Егоров. – Ни один здравомыслящий человек не отдаст наркоманке и гроша.

– Вчера по работе пришлось познакомиться с ее матерью, – заверял я. – Мне дали задание написать про детский дом. Так мы и встретились. Полина Тимофеевна помогает другим детям, почему же мне не помочь ее собственной дочери?

– А как ты на нее вышел? – не унимался следователь. – Мы уже поговорили с Кочетовой-старшей. Она ни словом не обмолвилась про дочь.

Господи, как не хотелось раскрывать карты!

– Кстати, вчера была убита директор этого детдома, – вставил стоявший у окна толстый капитан.

Я смело посмотрел на него:

– Хотите пришить мне и это дело?

– А почему бы нет? – усмехнулся мужчина. – Только ты в последнее время что-то вынюхивал на этой территории.

– Если редактор дает мне задание, это равносильно приказу, – спасая свою жизнь, я молился, чтобы они не нашли Пенкина. Кто знает, что скажет наш главный. Возможно, это будет правда. Никакого задания, связанного с детдомом, мне не поручали.

– Кочетова сказала, что ты интересовался только двумя воспитанниками, – процедил следователь. – Какими-то Должиковым и Рыбиной. С какой целью?

Я вздохнул:

– К нам обратился Должиков с просьбой отыскать его подругу Яну Рыбину. – Ох, как не хотелось раскрывать карты!

– Почему он не пошел в милицию? – резонно спросил Егоров. – Редакция не занимается поиском пропавших без вести.

– Он был у вас, – заявил я. – Кстати, у меня в кабинете лежит его письмо. Найдя его, вы прочтете, что милиция быстро бросила поиски. Его это не устраивало.

– А ты, значит, Шерлок Холмс? – ехидно бросил капитан.

– Если меня будут так называть, останется только гордиться, – парировал я.

Егоров взглянул мне в глаза с интересом и беспокойством:

– И что ты накопал?

– Ничего. – Я дернул руками в наручниках. – И уже оставил бы это дело, поскольку отправителя письма сбила машина, однако мне позвонила Тамара Кочетова, невеста откуда узнавшая мой телефон. Наверное, мать рассказала ей о нашем разговоре и показала визитку. Девушка позвонила мне, сказала, что располагает важными сведениями о Должикове и Рыбиной, которые можно получить за деньги. Как вы понимаете, я не отказал себе в удовольствии, хотя потеря тысячи рублей наносила значительный урон моему бюджету.

Следователь недовольно закусил губу:

– Бред. У меня другая версия.

Я откинулся на стуле:

– С удовольствием выслушаю.

Он приблизил ко мне круглое лицо. Несвежее дыхание вызвало тошноту:

– Ты тот, который снабжал ее наркотой. Она отказалась платить или же не смогла этого сделать, и ты прикончил ее.

Мне стало смешно:

– Да будет вам известно, наркоманы идут на все, лишь бы раздобыть деньги на дозу. Любой дилер подождет бы, потому что, судя по всему, Тамара была чьей-то постоянной клиенткой и доставала бабки.

– Это так утверждаешь ты.

Я комично надул щеки:

– Извините, лучшего ничего не пришло в голову.

Егоров не моргнул и глазом:

– Теперь ты – наш клиент, а они, попадая сюда, часто жалуются на амнезию. По счастью, у меня имеются два хороших врача – они перед вами.

Капитан и лейтенант насторожились, как гончие псы, ожидающие команду «фас». Следователь не обманул их ожидания:

– Полечите его немного. Для первого раза.

Я разгадал его намерения:

– Вы рискуете должностью.

– А ты – здоровьем, – парировал он.

Милиционеры подхватили меня под руки и, как барышню, внесли в соседнюю комнату. Вероятно, она предназначалась для пыток. Тот, кто обставлял это помещение, не побаловал его мебелью, кроме колченогой табуретки посередине. Капитан толкнул меня на ее расщепленное сиденье:

– Располагайся.

Я еще раз попытался воззвать к их разуму:

– Ребята, вы сильно рискуете.

Капитан и лейтенант переглянулись:

– Мне не нравится его настойчивость, – задумчиво проговорил первый и, размахнувшись, сильно ударил меня по лицу. Моя голова дернулась, из носа поползла струйка крови. Сильная боль, казалось, огромной иголкой пронзила тело. Я застонал.

– Еще? – участливо поинтересовался лейтенант и натренированным ударом свалил меня на пол.

– Вспомнил? – спросил его товарищ. Я скривился:

– Мне нечего добавить.

– Маленькая доза, – с видом доброго доктора констатировал капитан. – Чутьочку увеличим.

Тяжелый ботинок прощупал мой живот. Я никогда не думал, что способен выдержать такую сильную боль. Впрочем, судьба была ко мне милосердна. Я просто отключился.

Я очнулся от сильного запаха нашатыря, исходившего от кусочка смоченной ваты. Егоров вздохнул с облегчением:

– Я же сказал – не перебарщивать.

– Но он упрямится, – оправдывались подчиненные. Следователь внимательно посмотрел на мою скрюченную фигуру:

– Он устал. Возможно, отдохнув в камере, парень станет более разговорчивым. Отнесите его.

Они подняли меня, как куль с мукой, протащили по коридору, отворили какую-то дверь... Я снова отключился и пришел в себя только в камере. Разбитая голова покоилась на подушке с несвежей наволочкой. Нос продолжал кровоточить.

– О-о-о... – это был первый звук, который удалось издать мне. Тотчас взволнованное лицо, украшенное крупными веснушками, склонилось надо мной:

– Негодяи!

В глазах вспыхивали и угасали красные точки. Я силился разглядеть сокамерника. Наконец это мне удалось. Рыжий парень лет тридцати сочувственно наблюдал за мной:

– Здорово досталось?

– А что, не видно?

– Они умеют бить, – согласился новый знакомый. – Кстати, Антон. А тебя как зовут?

– Никита.

Он еще раз оглядел меня:

– По виду маменькин сынок. Как здесь очутился?

Я не собирался ни с кем секретничать:

– По ошибке. Меня подставили.

– Значит, первый раз, – сделал он вывод. – Я так и думал. На твоём месте я бы признался. Тебе не выдержать их издевательств.

Я расхохотался, насколько позволяли разбитые губы:

– В чем признаваться? Я чист, как вымытое стекло.

– Все так утверждают.

Если Антон надеялся, что вотрется ко мне в доверие, то сильно ошибался. Я раскусил его с первого взгляда. Таких подсаживают в камеры. Однако с ними надо быть предельно осторожными.

– Мне серьезно не в чем признаваться, – заверил я его. – Девица была уже мертвая, когда я появился в её доме. Случайно налетел на ментов – и вот тебе... А что, адвокат нам не полагается?

Антон сморщился:

– Полагается, только ты увидишь его через несколько дней. За это время тебя измочалят, как старый матрас. Хочешь – пиши жалобу, однако они никуда не дойдут.

– А ты откуда знаешь?

Он смутился:

– Знаю, раз говорю. Слушай. – Он поднялся и присел рядом со мной. – Давай мы сделаем так. Ты берешь все на себя, пишешь признание, а потом отказываешься от своих показаний.

– А это возможно?

– Конечно.

Я пытался собраться с мыслями. Мозг отказывался служить мне. Меня жаждали посадить, может, ненадолго, чтобы заставить отказаться от расследования. Но чем вызвано такое желание? Куда влипли двое несчастных воспитанников детского дома?

– Утро вечера мудренее. – Я попытался уйти от прямого ответа. – Посмотрим.

Отвернувшись к стене, я силясь заснуть. Ноющая боль в разбитом лице и животе мешала это сделать. Вскоре мне удалось провалиться в сон, и, отдавая себя в объятия Морфея, я слышал, как на панцирной койке ворочается мой сокамерник.

Утро действительно оказалось мудренее, то есть настолько мудреным, что я и близко не ожидал подобной развязки. Мой вчерашний мучитель, капитан, явился за мной, и его грубое лицо выражало радушие, если можно назвать радушием улыбку Горгоны.

– А за тобой пришли, – торжественно объявил он мне. – Так что повезло тебе, парень. Сейчас подпишешь бумажонку: мол, не имеешь к нам никаких претензий – и расстаемся, как в море корабли.

Я ошолбенел:

– Кто пришел? Пенкин?

Он вскинул белесые брови:

– А кто такой Пенкин? Кандидат в президенты?

– Не меньше.

– Тогда это не он, – серьезно ответил милиционер. – Возможно, он нанял адвоката, и самого лучшего. Тот тебя отмазал.

– Как благородно с его стороны.

– Поменьше слов. – Он втолкнул меня в кабинет своей мощной клешней. Егоров сидел за столом и любезно разговаривал с пожилым мужчиной, при виде которого по моей спине поползли мурашки. Если бы Фрэнк Коппола увидел этот типаж раньше, чем на горизонте воз-

ник Аль Пачино, роль крестного отца досталась бы ему. Весь в черном, с седоватыми уложенными волосами и тонкой ниточкой усов, он обратил на меня безжизненные глаза мафиози. Улыбка тронула только узкие губы:

– Вы Савельев?

– Да.

– Я ваш адвокат Борис Васильевич Мазуров. Подписывайте документ – и вы свободны.

– А... – на языке вертелся закономерный вопрос. Крестный папаша остановил меня жестом руки:

– Все потом. Главное – поскорее выйти отсюда.

– Вы правы.

Его манеры поражали безупречностью. Наверное, он хорошо стрелял, из жалости отправляя людей на тот свет без мучений.

– У меня машина. Я подброшу вас. До дома или до редакции?

– До дома. – Я почесал затылок. – Надо же привести себя в порядок.

Не глядя мне в глаза, Егоров протянул листок:

– Распишитесь.

– Всенепременно. – Я чиркнул ручкой в указанном месте. – Но что-то подсказывает мне, что мы еще встретимся. Когда в тюрьму попадают работники правоохранительных органов, это вызывает огромный интерес публики.

Он побелел, потом покраснел, однако ничего не ответил.

– Идемте, – повторил Мазуров.

– У вас наверняка большая черная машина, – весело сказал я ему.

Адвокат удивился:

– Откуда вы знаете?

В автомобилях такой марки я не разбирался. Однако не раз видел в кино, как мафиози спокойно разъезжали на таких. В прямом смысле слова душа ушла в пятки:

– Может, я на трамвае?

– Нам надо кое-что обсудить, – парировал он.

– Если ваш гонорар, то напрасно стараетесь. – Мне вдруг стало весело. – У меня никогда не будет столько денег.

– За вас заплачено.

Его ответ удивил меня.

– Пенкиным? Он в городе?

Мазуров усмехнулся:

– Насколько мне подсказывает память, Пенкин – ваш главный редактор. Но он не в курсе. Нет, за вас порадели совсем другие люди. – Он открыл дверцу и подтолкнул меня:

– Садитесь.

Я влез в салон и погрузился в мягкое сиденье.

– Отвезем его домой, – тихо сказал мужчина шоферу, остроносому парню в кепке.

– Итак, я вас слушаю. – Мое любопытство не знало предела.

– Понимаю. – Мазуров не был голословным. – Видите ли, нам известно, что вы не совершали убийства этой наркоманки. Однако вам, с вашими амбициями и неумным желанием лезть в чужие дела, просто необходимо было посидеть в камере.

– И подвергнуться насилию со стороны представителей правоохранительных органов? Зачем?

– Вас неоднократно предупреждали: вы залезли на чужую территорию, – спокойно вещал он. – Надо вернуться назад. Иначе я не отвечаю за последствия.

– То есть мое расследование кому-то очень не по нутру?

– Вы умный человек и прекрасный журналист. – Его комплимент как-то не согревал душу. – Вот и занимайтесь своими делами.

Я почесал затылок:

– Ваш босс допустил ошибку. Ему надо было тихо наблюдать за моими потугами выяснить что-нибудь. Уверен, скоро бы я бросил это дело. Однако он всеми силами старался показать: здесь нечисто. И ему удалось вызвать во мне неподдельный интерес.

Крестный отец улыбнулся. От его улыбки впечатлительный человек побежал бы в церковь молиться за свое здоровье:

– И опять вы говорите не то. В следующий раз вас либо посадят уже всерьез и надолго, либо ваша газета выпустит прекрасный некролог.

Я посмотрел в окно и облегченно вздохнул. Мы подъезжали к моему дому. Разумеется, беспокоило то, что им известно обо мне абсолютно все.

– Кажется, приехали, – перехватив мой взгляд, бросил Мазуров. – Не смею вас больше задерживать и уповаю на ваш ум и чутье.

На негнущихся ногах я вышел из машины и поднялся к себе. Измученное тело просило отдыха, однако, прежде чем упасть на диван, я долго сидел в ванне и тер кожу мочалкой, пока она не покраснела.

Глава 6

Освободиться от цепких объятий Морфея удалось только вечером. Старый будильник, возвещавший о начале рабочего дня еще моему отцу, показывал десять вечера. Это означало: мой сон длился двенадцать часов. Я сел на диване и потерял глаза. В памяти всплыл разговор с Мазуровым. Мне вполне понятно намекали, какие меня ждут неприятности, если я не брошу это дело. Возможно, другой журналист и прислушался бы к увещаниям старших. Однако интерес к делу, уже не раз подогреваемый, полыхал костром. Почему вокруг простых детдомовцев разгорелись нешуточные страсти? Что такого могла сообщить Тамара Кочетова, если поплатилась жизнью? Вспомнив о ней, я встрепенулся. А вдруг в маленьком домишке, где обитала эта несчастная наркоманка, хранится что-нибудь полезное для меня? Ужасно захотелось еще раз посетить это злочастное место. Сказано – сделано. Я выглянул во двор. Он был пуст. Если мой друг на красном «Опеле» и сторожил мой сон, то где-нибудь неподалеку. Набрав по мобильному телефону номер таксопарка, я заказал машину и попросил диспетчера прислать ее за квартал от дома, к кинотеатру. Автомобиль подъехал через пятнадцать минут и, сев в него, я от души надеялся, что моя вечерняя вылазка осталась незамеченной. Дорога была свободная, и мы быстро домчались до нужного мне дома. Я расплатился с таксистом, огляделся, не наблюдают ли за мной из соседних хибар, не заметил ничего подозрительного и проскользнул в незапертую калитку. Впрочем, ее и невозможно было запереть: никакого замка на ней не наблюдалось. Зато дверь домика старательно законопатели. Зная, что совершаю преступление, я рванул на себя оконную раму, и она с треском раскрылась. Влезть в окно было делом техники. Стоявшая в помещении вонь показалась мне еще отвратительнее. Хозяева, видно, еще не приступали к уборке. И вообще, если тут когда-нибудь убрали, это было еще до Куликовской битвы. Пустые бутылки, грязные тарелки и консервные банки вызвали тошноту. Я включил крошечный фонарик, и его узкий луч стал ощупывать помещение, не находя ничего, что могло бы вызвать интерес. Под кроватью я нашел несколько скомканных платьев. А в кармане одного из них лежал засаленный блокнот и пачка фотографий. Каждая запечатлела Тамару в интимной обстановке с разными мужчинами. Это означало только одно: девушка промышляла шантажом. Теперь причина ее гибели стала ясна. Зная, что ее информация может еще кому-то пригодиться и этот кто-то богаче меня, Кочетова попыталась продать ее конкурентам. И получила то, что получила. Фотографии и блокнот перекочевали в мою барсетку. Не ожидая увидеть здесь больше ничего полезного, я осторожно вылез из окна и заметил движение в кустах. Это испугало меня. Стояла жаркая летняя ночь, и не ощущалось и слабого дуновения ветерка. Значит, там кто-то был, и он охотился за мной. Из-за небольшой тучки выплыла луна, превратив меня в отличную мишень, если незнакомец захочет выстрелить. Люди с добрыми намерениями не прячутся в кустах, тем более мне сделали уже массу предупреждений. Я нырнул в темноту и стал ползком пробираться вдоль ветхого забора. На мое счастье, в этом ненадежном ограждении зияла внушительная дыра. Я шмыгнул в нее и оказался на дороге. Ноги заработали быстрее. Надо было во что бы то ни стало добраться до автотрассы и поймать машину. За спиной послышался шорох. Преследователь крался за мной, выбирая, наверное, удобное место для нападения. Каждая секунда теперь стоила дороже золота. Решившись, я собрался с силами и побежал по кочковатой, в рытвинах, дороге. Тут и раздался выстрел. Хоть я и ожидал его, все равно он прозвучал внезапно. Я прыгнул за большой развесистый дуб и припал к земле. Грянул следующий выстрел. В лицо ударила мелкая галька. Мне оставалось сидеть в ненадежном укрытии тихо, как мышь. Однако противнику это вряд ли помешает. Видимо, он обладал завидным терпением. Я оглянулся назад. До дороги было не более пятисот метров. Но их еще надо было пройти. Я так припал к земле, что почти слился с ней. Минут десять ничто не нарушало тишину. Наконец моему преследователю это надоело, и он вышел из укрытия.

Темный силуэт направлялся ко мне. А я ничего не мог сделать. Неожиданно темноту прорезал свет фар, и старый «Запорожец» со скрежетом стал преодолевать кочки дороги. Он и явился моим спасением. Я помчался со всех ног, стараясь не попасть в луч света. Оглядываться назад у меня не было никакого желания. Впрочем, мне и так везло. Я тормознул первую попавшуюся машину, и водитель-женщина, осваивавшая вождение под руководством мужа, любезно довезла меня до дома. Сегодняшний кошмар закончился.

Глава 7

Утром я позвонил в редакцию, сказал, что надо поработать дома, а сам отправился в клуб «Магнолия». Меня сразу поразило, как простая детдомовская девчонка прошла туда, и сейчас я еще больше укрепился в своем недоумении. Утром посетителей было мало. Наверное, поэтому охранник не возражал, чтобы и я, показавший удостоверение журналиста – члена ЮНЕСКО, выпил здесь коктейль.

– У меня к вам парочка вопросов, – любезно пояснил я цель своего визита. Его бычье лицо не выразило никаких эмоций.

– Это к хозяину. Я не умею давать интервью.

– О, я же сказал, всего парочка вопросов, и ваши ответы не попадут в газету, – мне удалось его успокоить.

– Ну, если так...

– К вам часто заходила Яна Рыбина?

Его глаза, цветом напоминавшие ягоды незрелого крыжовника, округлились:

– Такой не припоминаю. Вы уверены, что она наша постоянная клиентка?

– Нет, – пришлось признаться мне.

– Тогда мы не обязаны помнить всех. Кто ее родители?

– У нее их нет.

Он поразился:

– То есть как нет?

– Она детдомовская.

Охранник понимающе подмигнул:

– Значит, богатый спонсор.

– Его тоже нет.

– Тогда вы не по адресу, – изрек он со знанием дела. – наших клиентов или их родственников и знакомых знает весь город.

Мое расстроенное лицо, наверное, пробудило в нем нечто похожее на сострадание.

– Описать ее сможете?

– Нет.

– Ну, – парень с сожалением развел руками, – тогда, сами понимаете...

Я все понимал. Глупо было приходить сюда.

– Всего хорошего. Если что-то выясню, побеспокою еще.

Он не возражал.

Покинув холл, освежаемый кондиционерами, я снова погрузился в летнее пекло. Кому звонить, куда идти – голова, размягченная жарой, не подавала никаких идей. Ее подал мобильный телефон, возвестивший о желании Полины Тимофеевны поговорить со мной. Честно говоря, меньше всего я хотел общаться с несчастной матерью, может быть, считающей, что ее чадо погибло по моей вине. Однако я ошибался. Воспитатель была настроена миролюбиво.

– Мне необходимо с вами встретиться, – просительно сказала она. – Приезжайте на работу.

– Хорошо.

Клуб «Магнолия», на мое счастье, располагался недалеко от детского дома, и мне даже не пришлось мучиться в общественном транспорте. Молодые здоровые ноги донесли меня до нужного места за десять минут.

Женщина приняла меня в кабинете директора. Если бы не смерть дочери, известие о назначении ее на должность руководителя этим учреждением наверняка было бы воспринято ею с радостью. Сейчас же глаза Полины Тимофеевны поражали грустью и безразличием ко всему.

– Выражаю вам соболезнования, – изрек я вместо приветствия. Она склонила голову набок.

– Благодарю.

– Вы хотите поговорить о Тамаре? – высказал я предположение.

– Зачем? – удивилась женщина. – Я знала, что дочь этим кончит. Настоящие родители этого несчастного ребенка – наркоманы со стажем. Мать кололась даже во время беременности. Если бы не возможность попрошайничать с маленьким ребенком, она сразу бы отказалась от Тамары. А так, – по морщинистой щеке покатилась слеза, – у нее отобрали девочку, когда эта тварь продавала ее на рынке. Тамарочка приглянулась мне. Дело в том, что муж оставил меня, потому что врачи вынесли страшный для женщины приговор – бесплодие. Хотя в принципе он так же виноват в этом, как и я. Дело в том, что Александр был военным и сразу после окончания училища увез меня, выпускницу педагогического, в сибирский гарнизон. В той дыре одна-единственная школа находилась за три километра. Транспорт не ходил. Летом это расстояние преодолевалось легко, а осенью, зимой и ранней весной... В общем, вы представляете. Я застудила все, что можно, долго не лечилась – и вот результат. Короче, я удочерила эту девочку, воспитывала ее по своему образу и подобию, но не смогла побороть гены. Стоило ей один раз попробовать, как она покатилась по наклонной со страшной скоростью. Долгие годы я работала лишь на лечение дочери, однако ничего не вышло. Все закончилось тем, что она сняла комнатенку в сарае и переехала туда. Правда, дочь никогда не забывала обо мне, регулярно звонила и справлялась о здоровье, но я чувствовала: она постоянно принимает наркотики. На какие деньги Тамара приобретала их? Я ведь не давала ей ни копейки. А она, насколько я знаю, нигде не работала.

– Шантаж, – отозвался я.

Полина Тимофеевна вздрогнула, как от прикосновения к оголенной электрической проводке:

– Что-то подобное я и подозревала. Теперь знаю, зачем дочь вызвала вас. В тот день я позвонила ей и рассказала о вашем визите, чтобы спросить, не осталось ли у нее фотографий Яны Рыбиной. Тамара ответила отрицательно, но вскоре приехала ко мне на работу, чтобы просто увидеться. Наверное, тогда она и стащила вашу визитку. Иначе не представляю, где она отыскала ваш телефон.

– Согласен, – поддакнул я.

– Но вызывала я вас не за тем, чтобы поговорить о Тамаре, – продолжала Полина Тимофеевна. – На мой имейл пришло письмо от нашего выпускника и снимки с последней встречи. Этот паренек учился вместе с Яной. – Она протянула мне диск. – Здесь есть ее фото. Сейчас покажу. – Она открыла нужный файл. – Вот, смотрите.

Яна Рыбина оказалась худенькой высокой девушкой со смоляными волосами, свободно падающими на плечи. Правильные тонкие черты не делали лицо выразительным. Действительно красивыми показались мне лишь черные огромные глаза, окаймленные длинными ресницами. Впрочем, возможно, если бы Яна умело наложила косметику и помоднее оделась, она выглядела бы привлекательной.

– Вот за это большое спасибо, – искренне поблагодарил я. Женщина грустно улыбнулась:

– Если в своем расследовании вы не спишете со счетов убийцу моей дочери, буду очень признательна.

Я кивнул:

– Мне тоже хотелось бы увидеть этого человека.

Полина Тимофеевна встала и по-мужски пожала мне руку.

Глава 8

Охранник из «Магнолии» сразу узнал меня. Я протянул ему снимок, который успел сделать в магазине «Кодак».

– Вот эта девушка, ее я и ищу.

Он прищурился:

– Эту я знаю. Однако кто-то дал вам неправильную информацию. Дело в том, что она – дочь миллионера и никогда не коротала свои дни в детском доме. Зовут ее тоже по-другому – Анна Борзова.

Настала моя очередь сделать круглые глаза:

– Анна Борзова?

– Вот именно. Она наша постоянная клиентка, но что-то в последнее время ее не видно.

– Вы ничего не путаете?

Парень хмыкнул:

– Пспрашивайте у моих товарищей.

Голова шла кругом. Только что другой человек поручился, что на снимках именно Яна Рыбина.

– А когда она заходила в последний раз?

Он почесал бритый затылок:

– Точно не помню, около месяца назад.

Я чуть не сел на раскаленный асфальт. Яна никак не могла появиться в клубе в это время, так как уже, по моим предположениям, покоилась в могиле.

– Адрес этой Борзовой знаете?

– Она им не разбрасывается.

Ясное дело, дочь миллионера не дает его кому попало. Что ж, мои коллеги помогут мне узнать его. Я поблагодарил парня и отправился в редакцию. Мысли по-прежнему путались. Всеу этому бреду находилось одно логическое объяснение: девушки просто похожи, и охранники принимали Рыбину за Борзову. Возможно, обе посещали «Магнолию» в разное время. Нашлось объяснение и тому, как сюда получила доступ Рыбина. Говорила же Тамара, что у девушки появился богатый спонсор. Во всяком случае, мое расследование получит продолжение. Сейчас по базе данных мы отыщем адрес Борзовых, я придумаю, как организовать встречу с этой Анной, а параллельно буду вести поиски неизвестного спонсора. Может быть, мне поможет блокнот погибшей Кочетовой.

Рита встретила меня с улыбкой.

– Разве мы не работаем дома?

– Анатолий Николаевич не звонил? – ответил я вопросом на вопрос.

– Звонил. Сегодня будет. Страшно разгневался, когда я сообщила, что ты еще не закончил статьи.

Я задумался:

– Рита, мне придется уйти в отпуск. Наклеывается интересное дело. Пенкин потом будет целовать следы моих ног.

Она пожала плечами:

– Пока до этого далеко. Он рвет и мечет.

– Бог с ним. Сам объяснюсь. Сейчас мне нужна твоя помощь, – произнес я заискивающе.

Поистине, девушка была ко мне неравнодушна:

– Какая же?

– Узнать один адресок.

– Кого?

– Местного миллионера.

Это ей не понравилось:

– Надеюсь, ты не явишься к нему без звонка Пенкина?

– Разумеется.

Я подумал: возможно, я раскрою карты, когда распутаю этот клубок. А пока все мои визиты останутся в тайне. Для шефа тоже.

– Ладно. – Она защелкала мышкой. – А как его зовут? Здесь море Борзовых.

Этого я не учел:

– Что ж, делай распечатку.

– Как скажешь.

Мягко заурчал принтер, и из него бодро выскочил листок бумаги. Я осторожно взял его.

– Если Пенкин появится раньше, звони мне. Что-нибудь придумаю.

– Обязательно.

Глава 9

Выйдя на улицу, я сел на скамеечку, заботливо поставленную под старой березой, чьи мощные ветви отбрасывали превосходную тень, и погрузился в чтение. В Приреченске действительно жило достаточно много людей с фамилией Борзов. Я немного поразмышлял и решил начать поиски с тех, которые обитали в частных домах. Если этот Борзов – миллионер, у него наверняка свой особняк, хотя и необязательно, что в базе имеется этот адрес. Но коли суждено проведать всех попавших в список, надо же с чего-то начинать. Я еще раз просмотрел адреса и опять произвел сортировку. Некоторые улицы нашего города не могли похвастаться, что на них обитают миллионеры, так как там доживали свой век домишки, которые городские власти готовили под снос. Возможно, на освободившейся площади потом и обоснуются толстосумы, однако в настоящий момент их там точно не было. Итак, сегодня мне предстояло обегать пять человек. Почти все они жили в разных концах города. Я решил взять машину и послать красный «Опель», постоянно преследовавший меня, ко всем чертям. Не нападут же в людном месте!

Верная, как идеальная жена, «девятка» поджидала меня на стоянке. Я погладил ее по капоту, сел на водительское сиденье и включил зажигание. Мотор работал почти бесшумно. Все-таки даже железо чувствует хороший уход. Выехав, я влился в поток машин. Красного преследователя нигде не было. Возможно, сегодня у него выходной.

Первым в списке стоял частный дом по улице Гоголя. Увидев его, я понял: и в моей теории о сортировке граждан по фамилии Борзовы есть изъяны. Этот скворечник прилепился между двумя шикарными особняками. Я дернул за ручку калитки, и она чуть не отпала вместе с дверью. Пожилая, коричневого цвета пьяница с паучьими ножками складывала в сумку, прозванную в Украине «кравчуковкой», пустые бутылки. Бросив на меня взгляд, в котором не было ни капли удивления или интереса, она осведомилась:

– Выпить принес?

– Да, если вы Борзова.

Ретироваться сразу я не мог, хотя и понимал: это явно не дом местного богача. Женщина могла оказаться его родственницей, и тогда отыскать предпринимателя не составит труда. Услышав меня, она осклабилась, показав пустые десны:

– Ты попал по адресу. Наливай.

– А ваша внучка Аня придет?

Дама озабоченно заморгала:

– Какая Аня? Ее никто не приглашал.

– Но она же ваша внучка. У вас есть внучка Аня?

Темные губы зашевелились. Любительница спиртного вспоминала родственников. Через пять минут она решительно тряхнула головой:

– Ленка есть. Аньки нет. И слава богу. Нам больше достанется. Наливай.

– Бутылка в машине, – разговор следовало заканчивать.

– Тогда чего же ты ждешь?

Я ринулся на улицу и вскоре мчался по дороге подальше от этого дома, к следующему Борзову. Им оказался девяностолетний дед, тоже никакого отношения к Ане не имеющий. После посещения третьего дома я приуныл. Если мой расчет неверен, то неделю я потрачу на поиски нужного мне человека. И тут меня осенило. Черт, как же я сразу не сообразил! Моя верная «девятка» затормозила и развернулась в другую сторону. Я отправился к старой знакомой Варваре Кричевской, главному редактору газеты «Провинц-гламур».

Редакция газеты разместилась в маленьком двухэтажном особнячке. Ее шефа и владельца я знал уже несколько лет. Когда-то мы учились в одном университете, на одном факультете, однако Варвара была на четыре года старше. Если вам нравятся женщины, созданные по образу и подобию Клаудии Шиффер, то вы сочтете Кричевскую красавицей. Она действительно хороша: высокая стройная блондинка с потрясающей фигурой, тонкими чертами лица, густыми белокурыми волосами и изумрудными глазами. На третьем курсе перед ее чарами пал выпускник экономического факультета, имеющий богатых предков. Они и помогли юноше раскрутиться. Теперь муж Кричевской – предприниматель средней руки. Именно он вложил свои денежки в проект супруги и ни разу об этом не пожалел. Созданная Варварой газета начала приносить прибыль. В ней сообщалось о сливках Приреченска. Что касается меня, то я такое не читаю. Меня тошнит от передач типа «Русские сенсации» или «Ты не поверишь». Зато в нашем городе нет ни одной женщины, которая бы не выписала «Провинц-гламур». Моя мать тоже не стала исключением. Короче, Варька процветает. Она постоянно тусуется с сильными сего мира, и именно поэтому я надеялся, что Кричевская знает о Борзове и подскажет, где его искать.

Варвара сидела в своем кабинете, с подвесными потолками, стеклопакетами и прочими прибамбасами. Летняя жара ее не волновала, потому что кондиционер распространял по помещению прохладу. Я тотчас же подставил струе холодного воздуха свое разгоряченное лицо.

– Привет, Варька!

Она рассмеялась:

– О, привет! Какими судьбами? Хочешь холодного лимонада?

– Давай.

Женщина встала с кресла, лебединой походкой прошествовала к холодильнику и достала запотевшую бутылку:

– Стаканы возьми вон на той полке. Можешь прямо из горлышка.

– Ты фея.

Пока я расправлялся с лимонадом, она внимательно смотрела на меня.

– Тебя что-то беспокоит?

Разумеется, она была еще и прекрасным психологом, иначе выведывать тайны у сильных мира сего ей было бы не под силу.

– Ты, как всегда, права.

– Что же?

– Позарез нужно переговорить с Борзовым, вопрос жизни и смерти, – признался я.

– С Борзовым? – Рисованные брови взметнулись вверх. – С Тимуром Васильевичем?

– Наверное, я не знаю его имени-отчества. – Я откинулся на спинку стула. – Зато мне известно, что он местный богач и имеет дочь Аню.

– Тогда это действительно Тимур Васильевич, – удивление ее не покидало. – А кто направил тебя к нему?

– Какое это имеет значение?

Варвара задумалась:

– Ладно, это не секрет. Но почему тот, кто направил тебя к нему, не сказал, что Борзов уже почти пять месяцев покоится на городском кладбище?

Я разинул рот:

– Ты хочешь сказать, он мертв?

– Уже пять месяцев, – повторила Варвара.

Почему-то мой мозг соотнес его смерть с пропажей Яны Рыбиной. Сроки совпадали, хотя вряд ли такой человек когда-нибудь общался с детдомовской девочкой.

– Отчего он умер? – спросил я, лишь бы что-нибудь спросить.

– Он чистил охотничье ружье в кабинете. Оно выстрелило и убило наповал. – Когда Кричевская это говорила, вид у нее был загадочный. Это меня насторожило.

– Ты, конечно, собирала материал о его гибели?

– Конечно. – Она улыбнулась.

– И тебе ничего не показалось странным?

Варвара отобрала у меня бутылку и сделала солидный глоток:

– Показалось.

– Поделишься?

– Раскрывай свои карты, а там посмотрим, – парировала она. Я растерялся:

– Видишь ли, пока делиться нечем. Пропала одна девушка, воспитанница детдома, ее парень пробовал пойти по следу и оказался под колесам автомобиля. Следом за ним отправилась их одноклассница, не успев сообщить мне важную информацию.

Она кивала:

– Ясно. А при чем тут Борзовы?

– Вот этого не знаю, – признался я. – Понимаешь, когда я принес фотографию пропавшей девушки в клуб «Магнолия», где ее видели в последний раз, охранник признал в ней Анну Борзову. Вот почему я решил встретиться с ней. Может быть, она ничего не знает.

– Может быть, – согласилась Кричевская. – Хотя в доме ее отца происходили странные вещи. Когда Анина мать умерла, отец взял на содержание какую-то стриптизершу, невзирая на проклятия дочери. Сам понимаешь, наследники таких людей дрожат за наследство. Кто его знает, как бы все закончилось, если бы не несчастный случай. Да и в нем не все чисто.

– Да? – любопытство начинало захлестывать меня.

– Да, – подтвердила Варвара. – Представь, тебе надо почистить ружье. Твои первые действия?

– Проверяю, не заряжено ли, – бодро ответил я.

– Вот именно, – кивнула Варвара. – Я сделала бы то же самое. И это мы, не профессионалы и даже не любители. А Борзов охотился все сезоны. Как он мог допустить такой промах?

Я пожал плечами:

– Действительно, странно.

– Милиция удовлетворилась этим и закрыла дело, – продолжала женщина. – Но, правда, только после того, как исключила любовницу Борзова.

– А она при чем? – спросил я.

– Хорошо, слушай по порядку. – Варвара снова отхлебнула из бутылки. – Я уже говорила: после смерти жены (а может, и до, как утверждает молва) Тимур Васильевич взял на содержание стриптизершу из клуба «Золотая карта». Ее зовут Тюльпан, и это не псевдоним. Девушка родом из Татарстана, этакая восточная красотка. Бизнесмен купил ей квартиру и машину, постоянно снабжал деньгами. То есть избавил от необходимости развлекать клиентов. Однако не все так просто. У Тюльпан имелся бойфренд, тоже бывший стриптизер, которому надоело выполнять прихоти пожилых богатых дам. Короче, эта Шахерезада тянула у Борзова денежки и весело прогуливала их со своим дружкой. Они маскировались, да, видать, плохо. Их застукала Анечка. Девушка рассказала отцу, тот страшно разгневался и пообещал дочери выгнать любовницу вон. В день своей гибели он отправился на дачу в Грушевку и зачем-то отпустил охрану. Короче, его труп обнаружила Аня, тут же вызвала «Скорую» и милицию. Она слезно просила, чтобы Тюльпан обвинили в смерти отца.

– Просто так? – вставил я.

– Разумеется, она утверждала, что видела машину стриптизерши, потом слышала ссору. Борзов якобы кричал: «Я изменяю завещание, где ты наследуешь приличную сумму». Чтобы он не сумел это сделать, Тюльпан и прикончила его.

– Как же ее не посадили? – осведомился я. – Ведь, кроме Ани, свидетелей не было.

Кричевская сморщила нос:

– Слушай дальше. Вообще-то свидетель имелся. Тюльпан слезно утверждала, что ее ноги не было в тот день на даче и ни о каком завещании речь никогда не велась. Весь день она провела со своим альфонсом в квартире. Милиция тут же вызвала его по телефону, и красавчик не подтвердил ее алиби. Пока они разговаривали, женщине удалось сбежать через черный ход. Больше ее никто не видел.

– Она в розыске? – поинтересовался я.

– Раз имеется другая версия гибели, то старую не берут во внимание, – пояснила Варвара. – Тюльпан, на ее счастье, любила поскандалить. В тот день, в то время, когда, по заключению экспертов, был убит Борзов, стриптизеры выясняли отношения на весь подъезд. Ее соседи составили ей прочное алиби, хотя и терпеть ее не могли. Короче, она пропала, и о ней забыли.

– А завещание? – задал я следующий вопрос.

– В завещании указывалась лишь одна наследница – Аня. Ни о какой Тюльпан никогда не велось и речи. Это подтвердил нотариус предпринимателя. А вот о страховке он умалчивал. После его смерти дочурка разбогатела на полтора миллиона долларов.

– Очень интересно. – Я тоже хлебнул лимонада. – Только пока не соображу, какое отношение это имеет к моему делу. Но на всякий случай возьму у тебя адресок этой девушки.

– Без проблем. – Варвара знала его наизусть.

Как я и предполагал, в моем списке этого адреса не было.

– Что бы я без тебя делал! – рассыпался я в любезностях. Она улыбнулась:

– Не стоит. Но услуга за услугу. Расскажешь мне все потом, когда раскрутишь дело? Для нашей газеты этот материал не пойдет, так что воровать у тебя его не собираюсь. Просто поделишься с подругой.

– Всенепременно, – ответил я уже из коридора.

Глава 10

Аня Борзова, вопреки моим первоначальным предположениям, обитала не в собственном доме, а в огромной квартире в центре Приреченска. Когда-то Тимур Васильевич, приехав в город, где родился и вырос, из Юрска, поднакопив там приличный капитал, как писали непосвященные или подкупленные журналисты, на нефти, неизвестно откуда взявшейся в заштатном городишке, купил парфюмерный магазин «Лилия». Этот магазин располагался на первом этаже, и, чтобы не ходить далеко, Борзов выкупил весь второй этаж, потом третий, поставил на окнах решетки, заменил обычные деревянные двери на бронированные. Деньги текли к нему рекой, и предприниматель приобрел ресторан и построил стрип-бар. Говорили, это не единственные его детища, однако про другие мне ничего не было известно. Охранник в подъезде перегородил мне дорогу:

– Куда?

– К хозяйке.

– Она ничего не говорила.

Я послал ему обворожительную улыбку:

– Мой приход для нее – сюрприз.

– Это ты так считаешь. – Гора мускулов двинулась на меня. – Катись отсюда, и чем скорее, тем лучше. Когда хозяйка захочет тебя увидеть, она предупредит меня.

Я застыл в недоумении. Пройти к Борзовой реально только через дверь. А вот караулить ее где-нибудь – это не даст результатов. Варвара предупредила: девушка фактически не выходит. Впрочем, если где-то она и появляется, наверняка в сопровождении охраны. Как же решить задачку? И тут меня осенило. Я достал блокнот, вырвал из него лист и нацарапал: «Уважаемая госпожа Борзова! У меня имеются крайне интересные сведения об особе, вам небезразличной. Хочу предупредить, если вы не начнете действовать против нее, она займется вами. Так что принять меня – в ваших интересах».

– Отнеси это ей, – буркнул я охраннику. – Если она останется равнодушной к моему посланию, ты меня больше никогда не увидишь.

Маленькие глазки буравили меня насквозь:

– Что ты затеял?

– Отнеси это ей, – повторил я, – а потом, может, представится возможность вытолкать меня вон.

– Ради этого я сбегаю на второй этаж, – с радостью сообщил он мне.

– Поверь, ты даже не похудеешь.

Парень вздохнул и тяжело стал подниматься по ступенькам. Не прошло и десяти минут, как он вернулся. Тупое лицо выражало недоумение.

– Поторопись, она не любит ждать.

– Неужели?

Я прыгал через две ступеньки. Борзова ждала меня у двери. Действительно, девушка очень походила на Яну Рыбину, которая получила вдруг наследство.

– Где она? – спросила Аня, не здороваясь.

– Кто, простите? – Я прикинулся дурачком.

Она сжала губы:

– Тюльпан, конечно. Вы же про нее писали в записке?

– К сожалению, не имею чести знать.

Борзова побелела от такой дерзости:

– То есть вы просто решили поиздеваться надо мной?

– И мысли такой не держал, – чистосердечно признался я. – Вы уж простите, но к вам не попасть. Наверное, к президенту доступ и то попроще. Но я тоже к вам по делу. Вот. – Я протянул ей фотографию Рыбиной. – Как давно вы видели эту девушку?

Она брезгливо взяла снимок двумя пальцами и пошатнулась. В глазах появился страх. Впрочем, Анна поддалась эмоциям на какие-то доли секунды. Холеная рука вернула фото:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.